

БАТЬЕВО НАШЕСТВИЕ

ГЛАВНАЯ ТАЙНА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Михаил ЕЛИСЕЕВ

РУСЬ

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Против Батыя
и «ПСОВ–РЫЦАРЕЙ»

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 94
ББК 63.3
Е 51

Разработка серийного оформления — *Сергей Лях*

Елисеев М. Б.

Е 51 Русь меж двух огней — против Батыя и «псов-рыцарей» / Михаил Елисеев. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 432 с. — (Батыево нашествие. Главная тайна русской истории).

ISBN 978-5-699-66394-1

Нет повести печальнее на свете, чем «Повесть о Погибели Русской Земли» от Батыева нашествия, и споры о причинах и виновниках этой катастрофы кипят уже не один век. Как степным ордам удалось в кратчайший срок разгромить едва ли не самое передовое и могущественное государство средневековой Европы? Почему «великая и обильная» Русь рухнула, словно «колосс на глиняных ногах», под копыта монгольской конницы, закаленные в боях русские дружины были вырезаны и вытоптаны ордынскими туменами, а хорошо укрепленные города пали в считанные дни? И не верьте учебникам истории, бормочущим о «феодальной раздробленности» Руси и «непобедимости» монголов! Ни князьки усобицы, ни военное искусство наследников Чингисхана не были главной причиной трагедии. Эта книга доказывает: мы оказались под пятой Востока по вине Запада — домонгольская Русь погибла потому, что попала меж двух огней, между молотом и наковальней, вынужденная воевать на два фронта — не только и не столько против Батыя, сколько против «псов-рыцарей», которые были даже более страшным врагом, чем монгольские орды. На Руси уже в XIII веке знали: степняки приходят и уходят, а европейские захватчики остаются на завоеванных землях навсегда, и даже самый дикий азиатский погром не сравнится со зверствами европейских «освободителей», достигших невиданных высот в «искусстве» ограбления, эксплуатации и геноцида «осчастливленных» ими народов!

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-699-66394-1

© Елисеев М. Б., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Предисловие

Народ, у которого нет национального самосознания, есть навоз, на котором произрастают другие народы.

П.А. Столыпин

А.С. Пушкин писал: *«Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное Крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»* Потом свою мысль поэт дополнил: *«А не Польшю, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»*. Как в воду глядел Александр Сергеевич, когда помянул Польшу, — сказки о том, как этот народ спас просвещенную Европу от монгольской сабли, и по сей день тешат умы на Западе.

А ведь можно только представить, что бы произошло, если б вдруг Батыева орда прошла южнее русских земель и двинулась прямо на Западную Европу во всей своей силе и мощи — точно бы дошли «до

города Парижу», причем с большим успехом! Вряд ли в то время нашелся на Западе второй Флавий Аэций, который сумел бы поднять народы Европы на борьбу с варварским нашествием, — раздробленная на десятки больших и малых государственных образований, она была обречена пасть жертвой монгольской дикости и жестокости. Но, к сожалению, Батый сразу на Запад не пошел, а повернул в земли Северо-Восточной Руси — и это стало величайшей трагедией русского народа. А могли ведь наши предки сразу поклониться в ножки завоевателю, униженно попросить его о милости — глядишь, и сжалился бы злодей, наложил бы дань, взял русские воинские контингенты да двинул бы на Запад, ценностями европейскими обогащаться. Но нет, были наши пращуры люди гордые и мужественные, в военном деле искусные, а главное, знали свою силу и не чувствовали страха перед врагом. И была страшная борьба не на жизнь, а на смерть, и хоть потерпели русские войска поражение, а сама земля была выжжена и вытоптана монгольскими конями, но зато вся Русь от Рязани до Торжка и от Ярославля до Киева была усеяна костями ханских нукеров и багатуров. Не лучшие свои войска вел на Запад Батый, лучшие остались на валах Владимира и Козельска, под стенами Чернигова и Москвы, в поле под Колодной и на пустынных берегах Сити. Гигантская приливная волна нашествия лишь самым краем зацепила Европу и схлынула, оставив после себя лишь черные пепелища сожженных городов и деревень. Но только ушли монголы, как с Запада на Русь двинулись крестоносцы — черное воронье закружилось над разгромленной и выжженной страной, решив воспользоваться сложившейся ситуацией и урвать себе за чужой счет кусок пожирнее. Вряд ли такое бы произошло, не будь Батыевой рати и ослабления военного потенциала Руси, а потому подлость и коварство правителей западных стран налицо. Впрочем, их далекие потомки, которые в наши дни ворочают всеми делами в Европе, оказались хуже предков — те с мечами в руках сами шли на врага, а эти воевать не умеют, лишь пакостят исподтишка...

А теперь о том, как напророчил Александр Сергеевич о Польше, которая грудью своей заслонила Европу, приняв на себя основной удар монгольской орды. Давным-давно, в начале 90-х, попалась мне в руки кассета с фильмом «Монголь», а поскольку никаких опознавательных знаков, кроме названия фильма, на ней не было, то решил я ее прикупить, поскольку этой темой всегда интересовался. Но когда начал просмотр, то буквально сразу же обнаружил ряд довольно за-

бавных вещей, которые четко дали понять, что собственно ждаты от фильма, но обо всем по порядку. Для начала скажу, что фильм был производства Италии — Франции и снимался режиссерами, которые зарекомендовали себя как создатели вестернов и ужасов, — уже насторожило. А дальше — просто сказка, узнал для себя массу таких интересных вещей, о которых даже не подозревал. Оказывается, город Суздадь находится в Польше, аккуратный такой городок с ратушей, костелом и бюргерскими домиками, мужчины носят в нем русские имена и узкие трико, а вот женщины, почему-то имена итальянские, да и одежда у них тоже не русская. Монгольский хан Чагатай (Батый в фильме не присутствует) стоит на границе Польши и замышляет туда вторжение, но великий борец за мир Чингисхан (жив, оказывается, курилка, а не умер в 1227 г.!) запрещает ему это делать, поскольку боится мужественных польских воинов, способных дать отпор любому агрессору. А чтобы удержать не в меру воинственного сынка от необдуманных действий, старик садится в носилки, и четверо носильщиков (без свиты и охраны!) в течение нескольких дней доставляют его из Монголии под Суздадь (тот, который в Польше). Там он рассказывает Чагатаю о том, как хорошо жить со всеми в мире, но злобный сын слушать отца не хочет, да и жена наследника — высоченная блондинка, которая постоянно расхаживает в корсете и с плеткой, — жаждет продолжения войны, поскольку это связано с ее любовными похождениями. В итоге злобная женщина убивает добряка Чингисхана в окрестностях польского Суздаля, мир, заключенный с ляхами, разорван, и монгольская орда идет в атаку на храбрых польских рыцарей. Итог предсказуем — зло наказано, монголы, которых ведет в атаку свирепая блондинка в корсете, вместе со своей предводительницей дружно тонут всей ордой в болоте, а Чагатай, понимая, что его отец оказался прав и что лучше с непобедимыми ляхами было не связываться, скачет в Суздадь (польский). Там перед ратушей сложен огромный костер, на котором возлежит Чингисхан (естественно, к столбам у костра привязаны девицы, коих по замыслу создателей фильма должны были принести в жертву на похоронах великого вождя), и там от отчаяния закалывает себя мечом — не помню только, успел перед смертью он поджечь костер или нет. Тем не менее в конце фильма всех спасают, затем следуют объятия, поцелуи и т.д., и т.п. — Европа спасена, враг повержен, Польша торжествует — и весь этот бред снят на фоне невинных любовных походов главных героев. Подводя итоги краткому об-

зору данного шедевра, отмечу, что у этой галиматъи есть только одно положительное качество — снято красиво, а остальное, сами понимаете, без комментариев.

Ну и чего с них после этого взять, с «просвещенных» европейцев? Ладно бы Голливуд снял подобную ахиною, было бы не удивительно, но ведь европейское кино всегда отличалось от американского в лучшую сторону, а здесь! Хоть бы брошюрку популярную о монголах прочли создатели фильма перед съемкой, не так бы позорились, но нет, наверное, увлечение творческим процессом было так велико, что хотелось просто снимать, снимать и снимать... А с другой стороны, что европейский обыватель того времени о монгольском нашествии знал вообще (дело было в 1961 г.) — да ничего, только то, что почерпнул из данного фильма, а потому этот прокол прошел без последствий для его создателей. Но это художественное кино, а как насчет документального? А там тоже перекося наблюдается, все внимание уделяется тому, как Чингисхан пришел к власти да воевал с Китаем, даже такой ключевой момент, как война с государством хорезмшахов, практически не затрагивается, не говоря уже о походах на Русь и в Европу. А в заключение хотелось бы отметить, что большинство фильмов, которые снимают на Западе про нашу страну, постоянно несут в себе определенный набор шаблонов, идеологических штампов и откровенных ляпов. Медведи, водка и балалайки с гармошкой — это само собой, а в целом из этой огромной массы несуразиц запомнилось, как в «Евгении Онегине» Татьяна наигрывает «Подмосковные вечера», а Бонапарт в «Войне и мире» смотрит на Москву и видит храм Христа Спасителя, построенный в честь победы над Наполеоном.

Что касается популярных научных работ западных авторов, освещающих монгольские завоевания, то те, которые посвящены Чингисхану, написаны довольно неплохо, по крайней мере если судить по тем, что изданы в нашей стране. Из них хотелось бы отметить работу Джона Мэна «Чингисхан», потому что автор действительно знал то, о чем писал, он исколесил Монголию вдоль и поперек, побывав во всех местах, связанных с именем грозного Потрясателя Вселенной, и сумел это изложить в очень интересной форме. Однако целью данной работы не является скрупулезный обзор всего, что написано по этому поводу на Западе, поэтому остановлюсь на

самом известном у нас труде по данной теме — книге английского историка Джона Феннела, крупнейшего специалиста по средневековой истории нашей страны, — «Кризис средневековой Руси 1200—1304». Автор действительно очень хорошо знает нашу историю и культуру, написав ряд монографий по ее истории — «Иван Великий Московский» (1961), «Возвышение Москвы» (1969), и именно он занимался издательством стихов Пушкина в Англии, а главное, Феннел далек от того, чтобы навешивать на русских устоявшиеся стереотипы и штампы. Наверное, в этом немалую роль сыграло и то, что сам профессор был православным человеком, а женат был на русской эмигрантке Марии Николаевне Лопухиной.

Однако в своей работе английский ученый явно старается преуменьшить тот урон, которое монгольское нашествие нанесло Руси, а также всячески сгладить его последствия. Но самым главным недостатком в его книге является то, что он резко отвергает все летописные известия, которые достаточно подробно освещают тот погром, который устроили монголы в русских землях, а также не привлекает археологические данные, подтверждающие эти сведения. *«Как это часто бывало в ранней русской истории, письменные источники содержат поразительно мало сведений, позволяющих сделать какое-либо обоснованное заключение о реальном ущербе, политическом, культурном или экономическом, нанесенном татарами»* (Д. Феннел). О самих летописных текстах, которые описывают те зверства, которые творили монголы в захваченных городах, автор пишет, что это *«общие места, используемые в летописи для описания катастроф, ввергавших время от времени русские города в руки захватчиков»*. В желании подтвердить свой тезис Феннел иногда передергивает факты или просто-напросто игнорирует моменты, которые его теорию не подтверждают — например, рассказывая о разорении Рязани Батыем, автор утверждает, что *«Каковы были потери и какой ущерб был нанесен городу, оценить невозможно»*. Странное заявление, если учесть, что есть очень много археологических и летописных данных, которые утверждают обратное, но, как говорилось выше, в авторскую концепцию они не вписываются и потому просто игнорируются. Когда в «Повести о разорении Рязани Батыем» идет описание тех зверств, которые творили степные варвары в захваченном городе, английский историк спокойно утверждает, что *«эти клише используются*

для усиления чувства неотвратимости бедствий, чувства, которое пронизывает все произведение».

Не менее странно звучат рассуждения англичанина по поводу некоторых знаковых моментов вторжения — обороны Москвы и битвы на реке Сить. *«Москва, в то время не более чем маленький городок или укрепленная застава, почти не оказала сопротивления: местный военачальник был убит, а другой сын Юрия, Владимир, взят в плен или убит».* Вот так — укрепленная застава и почти не оказала сопротивления! А про пять дней непрерывного штурма ни слова, и про то, что взять «укрепленную заставу» сумели только объединенными силами **всех** Чингизидов, тоже ни слова. Наивысшего полета фантазия историка достигает тогда, когда он рассказывает о битве на реке Сить и о судьбе, которая постигла Владимиро-Суздальского князя Георгия (Юрия). *«Большая часть войска бежала, убив, возможно, великого князя, пытавшегося их остановить: на гибель Юрия от рук своих людей указывает не только сообщение об отрубленной голове, но также и новгородский летописец, который в своем рассказе о событиях 1237—1238 годов относится к Юрию непочтительно, бросая тень сомнения на обстоятельства его смерти».* Почему Великому князю отрубить голову могли только свои воины и больше никто, для меня остается загадкой, да и само заявление об убийстве Георгия Всеволодовича своими ратниками, представляется по меньшей мере диким. Ну а насчет оскорбительного отзыва летописца цитирую дословно — *«Бог же весть како скончася: много бо глоголють о нем инии».* Что здесь обидного для князя усмотрел Д. Феннел, непонятно, на мой взгляд, автор летописи просто честно указал, что не ведает, при каких обстоятельствах погиб князь Георгий, а передавать многочисленные слухи и сплетни не имеет желания — ведь сказать можно все что угодно. И делать на основании подобных цитат из летописи далекоидущие и ничем не подкрепленные выводы, по-моему, не вполне уместно. А само нашествие и погром, который устроили монголы на Руси, автор скромно называет разграблением — дескать, пограбить пограбили, но ничего не порушили.

Другой тезис английского историка о последствиях нашествия прямо вытекает из изложенного выше, однако опять-таки грешит против истины. *«Но Русь вовсе не была такой сокрушенной, разоренной и деморализованной, какой ее пытаются изобразить многие историки нашего времени».* И тут хочется задаться вопросом — а

какой же она была в таком случае? Десятки сожженных городов и деревень, тысячи убитых и уведенных в полон людей явно не самым лучшим образом влияли на ситуацию в стране и не способствовали ее развитию, а уж о моральном аспекте проблемы и говорить не приходится. Жители мощнейшего государства, каким была Владимир-Суздальская Русь и которая не только не уступала, но по многим параметрам превосходила политические образования Европы, своими глазами видели, как под ударами степняков пало могущество их страны. Полностью было разгромлено Рязанское княжество, столица которого, один из самых значительных городов на Руси, так никогда и не достигла прежнего величия, а захирела, была оставлена жителями и сгинула в неизвестности. А про Южную Русь и говорить страшно — через небольшой промежуток времени Черниговское княжество распалось на мелкие уделы и перестало быть единым государственным образованием, Переяславское княжение вообще исчезло с политической карты, а древний Киев, который монголы практически смели с лица земли, превратился в небольшой захолустный городок. Но у Феннела и этому есть объяснение — *«Действительно, мало что слышно о южных землях: Киеве, Чернигове и Переяславле второй половины XIII века, но это не обязательно свидетельствует о физическом разрушении или экономическом застое, а скорее о прекращении потока информации, перерыве или исчезновении киевского летописания и разрыве политических и культурных связей между Суздальской землей и югом Руси»*. Вот так все просто — страдая от недостатка информации, не знали летописцы в Залесской Руси, что в южных землях все хорошо и замечательно, а потому освещали события неверно. И в итоге следует глобальный вывод — **«В замечательно короткое время все вернулось в свою (или почти в свою) колею»**. Массовое переселение жителей из постоянно подвергавшейся набегам Южной Руси в земли Руси Северо-Восточной Феннел тоже старается не замечать, как будто такого явления не существовало.

Ну а в том, что касается причин, по которым нашествие имело успех, а сопротивление на Руси было обречено на неудачу, то ученый называет таких четыре. Это численное превосходство армии вторжения, более совершенная тактика и стратегия степняков, с которой князья были совершенно незнакомы, отсутствие центра единого руководства у русских и истощение княжеских сил предшествующими междоусобицами. И если два первых положения вопросов не

вызывают, то по поводу последних двух возражения имеются. Дело в том, что в Северо-Восточной Руси такой центр был, и сначала он находился во Владимире-Суздальском, стольном городе княжества, а после его взятия монголами он переместился на реку Сить вместе с князем Георгием и русским воинством. Владимирская земля была достаточно централизованной и самой сильной в регионе, а потому вполне естественно, что именно ее правитель решал вопросы обороны от нашествия не только своего княжества, но и соседнего Рязанского, князя которого обратились к нему за помощью. С другой стороны, если автор имел в виду совместные действия дружин Северо-Восточной и Южной Руси, то такое объединение было просто нереальным, поскольку на тот момент это были отдельные государственные образования. Везде правили местные династии, интересы которых лежали в абсолютно разных плоскостях, наиболее сильные княжества (Владими́ро-Сузда́льское, Черниговское, Галицко-Волынское) вели самостоятельную внешнюю политику, и, по большому счету, в эту эпоху их практически ничего друг с другом не связывало. Ну а что касается истощения от усобиц, то это касалось только Южной Руси, где они практически не затихали, а вот в Залесских землях все было наоборот. После битвы на Липице в 1216 г. прошло 20 лет, выросло новое поколение, которое не знало, что такое княжеская междоусобица, а Суздальская земля наслаждалась миром. Походы на Волжскую Булгарию и мордву только увеличили мощь страны, и об истощении не могло быть речи — наоборот, строились новые города, развивалась торговля, и Северо-Восточная Русь находилась на подъеме.

Ну а дальше главное внимание автор уделяет фигуре Александра Невского — вот уж кому досталось от английского историка! Здесь его утверждения тоже достаточно голословны, хотя понять ученого можно — ведь именно Александр Ярославич являлся самым ярким символом той борьбы, которую Русь вела против Запада. *«Претензию Александра представить себя могучим защитником русских против немецкой и особенно папской агрессии с Запада нельзя рассматривать с той серьезностью, с какой это пытаются делать многие советские историки»*. Но это отношение к русскому князю по крайней мере понятно — ведь когда читаешь «Кризис средневековой Руси. 1200—1304», то иногда возникает ощущение, что герой Невской битвы чем-то обидел английского историка, который эту самую обиду ему простить не может. Только обидел Ярославич не

профессора Феннела конкретно, а весь Запад, который, пользуясь сложившейся ситуацией, пытался в XIII в. распространить влияние на Русские земли и поживиться за их счет. **«Ваши папа — волк, а не пастырь»** — эти слова принадлежат другому, не менее известному персонажу отечественной истории, но их явно мог бы произнести и князь Александр папским легатам. Сомнения терзают Джона Феннела и по поводу другого события — битвы на льду Чудского озера: *«Но была ли эта победа столь великой? Явилась ли она поворотным моментом в русской истории? Или это просто митрополит Кирилл или кто-то другой, написавший «Житие», раздул значение победы Александра, чтобы скрасить в глазах своих современников последовавшее раболепствование Александра перед татарами»*. Все познается в сравнении — пусть Невский герой голову перед Ордой и склонил, зато натиск с Запада, который пришелся на один из самых страшных периодов отечественной истории, отразил. А сумев устоять в этот труднейший отрезок времени, в дальнейшем русские уже не дали западным агрессорам никаких шансов, а Раковорская битва знаменовала уже новый этап противостояния, который закончился уничтожением Ливонского ордена при Иване Грозном.

Но в то же время нельзя не отметить, что в книге Феннела есть много и положительных моментов, например, он очень четко указал на то, что Ипатьевская летопись сознательно искажает деятельность князей Северо-Восточной Руси по отражению монгольского нашествия. Поскольку отношения между Южной Русью и Русью Залесской по большей части были откровенно враждебными, то и летописец не мог питать к политическим врагам своего княжества добрых чувств, а потому выставлял их в негативном свете. То же самое касается и момента, когда наступила зависимость Руси от монголов: *«Так называемое татарское иго началось не столько во время нашествия Батые на Русь, сколько с того момента, как Александр предал своих братьев»*. По поводу предательства Невского замечу лишь, что именно его братья, Андрей и Ярослав, выступили зачинщиками смуты, когда Андрей вопреки всем обычаям в обход дяди Святослава и старшего брата занял Владимирский стол и начал проводить по отношению к монголам провокационную политику, что в итоге и явилось началом великого кровопролития. Ну а в остальном сам тезис верен — после того, как нашествие закончилось, ни о каком подчинении Северо-Восточной Руси монголам и речи не шло, страна была разгромлена, но не покорена, и вопрос этот встал лишь

через добрый десяток лет. В целом же, подводя итоги, можно сказать, что, невзирая на существенные недостатки, книга у англичанина получилась интересной и более-менее объективной, чего при всем желании не скажешь о многочисленных работах на эту тему некоторых наших соотечественников.

* * *

Монгольское нашествие — это, пожалуй, наряду с Великой Отечественной войной одна из самых страшных и кровавых страниц в нашей истории — именно в эти моменты речь шла о самом существовании народа, о том, быть или не быть стране. И если в XX веке ценой невероятных потерь вражеское вторжение удалось не только остановить, но и переломить ему хребет, то в XIII в. это сделать не удалось. Причин, почему так вышло, несколько, причем не о какой монгольской «гениальности» и их военном превосходстве над русскими речи нет — все было гораздо проще и страшнее. Это очень точно подметил Н.М. Карамзин: *«Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей ни одному из тогдашних европейских народов»*. В многочисленных летописных свидетельствах очень четко прослеживается сравнение монголов с саранчой, которую на древнерусском называли «прузы» — *«и тогда преидоша множество кровопивцев христианских, без числа, ако пружы»* (Лаврентьевская летопись). Современников буквально шокировало то колоссальное количество степных войск, которое вторглось в их земли, подобного они раньше не видели никогда. И опять-таки Н.М. Карамзин четко указал причину того, почему монголы подавляли противника числом: *«Батый предводительствовал целым вооруженным народом»*. Полностью согласен здесь с историком, именно в этом и кроется главная причина монгольских успехов — плюс еще несколько важных факторов. Очень удачным можно считать выбор времени для вторжения на Северо-Восточную Русь — начало зимы, когда весь урожай лежит в закромах, а нашествие ждуг летом, поскольку боевые действия со степняками традиционно приходились на это время года. Громадному численно-

му превосходству врага не только на Руси, но и в землях Волжской Булгарии правители ничего не смогли противопоставить — орда буквально сметала те воинские контингенты, которые вставали у нее на пути. Зато победа над половцами была достигнута монголами благодаря железной дисциплине, тактическому превосходству и единому руководству, которого у кипчаков не было. Совокупность всех этих факторов и предопределила победу монголов, хотя были и варианты, при которых вражеское вторжение могло потерпеть неудачу — не все было так безнадежно.

Итог был в какой-то мере закономерен — мощнейшая держава, которой в то время являлась Северо-Восточная Русь, чья культура вознеслась на невиданную высоту, а дружины могли *«Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать»*, рухнула в течение каких-то трех месяцев под копыта коней диких монгольских орд. Не только для простых людей того времени, но и для элиты, как духовной, так и светской, подобное крушение основ, которые казались незыблемыми, требовало переосмысления и понимания — привычный мир рухнул, и рухнул навсегда. Это воспринималось как конец света, как гнев Божий на Русскую землю за многочисленные грехи как князей, так и всего народа. Жизнь русских людей четко разделилась на «ДО» и «ПОСЛЕ» нашествия, и надо заметить, что подобные катастрофы имели место не только в нашей истории — для сербов это стала битва на Косовом поле, и любое упоминание о Видовдане (дне святого Витта, в который произошло сражение) вызывает у них неподдельную скорбь. Для старой доброй Англии этим рубежом стал холм Сенаак, где в битве с нормандцами Вильгельма Ублюдка полегла армия храброго короля Гарольда, а для нас, русских, — поросшие непроходимыми лесами и заваленные снегом пустынные берега небольшой речушки Сить, где в сече с ордой сошлись суздальские дружины князя Георгия. Битва на Ситцких болотах подвела черту под сопротивлением Владимиро-Суздальской Руси завоевателям, но с другой стороны, явилась причиной того, что Батый так и не рискнул идти на Новгород, поскольку монголы понесли в этом сражении колоссальные потери. В сражениях под Рязанью и Коломной при штурме укрепленных русских городов войско захватчиков таяло, как снежный ком на солнце, и в итоге Батый был вынужден убраться с Русской земли в половецкие степи и там начать подготовку к новому вторжению. Возвращение монголов было страшным — победив русских в тяжелейшей битве за Чернигов, хан открыл себе путь в